Протестные события вокруг выборов в Мосгордуму. Наблюдения.

Ожидаемые следствия

Формирование у значительной части граждан идеи, что в Москве есть некий массовый «протест», который «подавляется» и идёт вопреки воли государства. Независимо от отношения к ценностям и мотивам участников, это понимание рождает новое ощущение социальной реальности. Усталость от отсутствия динамики создаёт широкий круг симпатизантов, не готовых к личному риску, но эмоционально вовлечённых в уличные действия. Для них значимо, что данное явление уже не персонифицировано в фигуре Алексея Навального, то есть не предполагает обязательную идентификацию с этой личностью.

Дальнейшее отчуждение понятия «власти» среди населения крупных городских центров — восприятие институтов управления через категории «они», «система», «чужие». Подробнее об этом явлении — в исследовании «Платформы» и РАСО по восприятию голуновского протеста.

Усиление противостояния Города и Государства — двух социальных платформ, различающихся ценностным подходом к организации общества, уровню свобод, мобильности, степени общественной регламентации, разделению на «глобальное» и «национальное». Подробнее феномен описан в публикации Григория Ревзина.

Романтизация биографии молодежи через участие в протесте. 1000 задержанных = 1000 «героев» в их собственной самооценке и оценке окружающих. Тенденция к включённости в «игру» новых групп населения, поскольку протест становится «модным». При неэффективных социальных лифтах ощущение риска будет снижаться перед ценностью «героизма», эстетизацией прямого действия и

превращением его в игровое пространство. С визуальной точки зрения участники протеста всегда будут в выигрыше — стильная молодёжная одежда, эмоции, свобода самовыражения на фоне шеренг силовиков — этот фактор не является периферийным, он будет выступать серьезным эстетическим аттрактором для значительного слоя граждан. В этой связи можно обратить внимание на однотипность ряда протестных фотографий, независимо от географии и времени самих акций.

При высоком риске высока и символическая ценность участия. Чем меньше риск, чем больше протест похож на мирный карнавал, тем шире круг вовлеченных и ниже символическая ценность. Отмечается визуальная демонстрация смелости участников: активное поведение в отношении представителей силовых структур, попытка «отбить своих» и другие действия. Иными словами, в социальном поле расширяется группа, не скованная страхом участия в несанкционированном действии.

Оценка событий уже не через призму политических или идеологических координат (что ещё предполагает рациональную дискуссию), а **через этику общественной жизни**, ценности более высокого порядка — честности, свободы и служения идеалам. Это позволяет мобилизовывать и объединять в протестные группы людей даже при отсутствии у них четко выраженных политических позиций. Маркировка протестующих как «либералов» вряд ли будет разделяться ими самими; вернее, она будет признаваться как несущественная.

Организованные группы дают колею для идентификации, присоединения к определенной референтной группе. При этом при более глубоком вовлечении в деятельность протестных групп, вхождении в актив, протест становится средством уже не самовыражения, а самореализации. У молодых людей, у которых мало возможностей продвинуться в существующих социальных лифтах, появляется еще один инструмент, позволяющий самоутвердиться, иметь статус, чувствовать свою ценность.

Характерно дорефлексивное определение своих позиций: вопрос о

том, были или не были подделаны подписи, в таких ситуациях становится уже неинтересен, вытесняется участниками протеста.

Возрастает риск приобретения государством, особенно с учётом международной реакции и полученной картинки событий, **характеристики «репрессивного».** В этом контексте государство начинает восприниматься через задачи самосохранения и защиты элит, вне позитивной нацеленности на консолидацию общественного интереса. Переставая идентифицировать себя с государством (по крайней мере, с «таким государством»), значительная часть протестных аудиторий будет находить другие символы для самоидентификации. В целом будет ошибочно считать, что протест связан только с московской электоральной ситуацией – он канализирует более глубокие накопленные настроения.

При этом протесты последнего года и некоторые реакции власти создали ощущение, что власть идет на уступки под давлением. Это в отсутствии других каналов обратной связи для данной аудитории повышает ценность солидарности и протеста. Протест выглядит более эффективным и действенным инструментом, особенно после дела Голунова. Публичное признание этого факта будет и в дальнейшем мобилизовывать протест, а попытка отыграть его обратно – вести к ожесточению и дальнейшему разочарованию.

Характер встречного движения – реакции на протест со стороны власти, контр-игры на уровне смыслов, оппонирования, формирования когорты идеологических «адвокатов» власти – пока оценивается как недостаточный по отношению к протестному потенциалу. Однако некоторая интеллектуальная консолидация в лагере условных «консерваторов» происходит. Уровень аргументов здесь сводится в основном к фиксации опасности раскачки как таковой, отсутствию позитивной повестки у протестующих, их молодости и тому подобное. Проблема для данного лагеря состоит в том, что, как правило, его представители замкнуты на самих себя – обращены к собственным группам поддержки и обладают слабыми возможностями для интеллектуальной экспансии.

Организация протеста перестаёт ассоциироваться с конкретными личностями. Формально он ещё связан с защитой интересов определенных «кандидатов в кандидаты». Однако по сути является формой сетевой мобилизации, которая нуждается в технических координаторах, а не в «харизматиках». Внутри этой тенденции протест не требует института представительства. Общество начинает само создавать инструменты описания реальности и внутренней мобилизации. Появление в общественной дискуссии новых метафор, вроде «дуги нестабильности», которая включает в себя ряд протестных городов, начнёт активно влиять на структурирование социального пространства.

Возникает очевидный запрос на развитие цифровых инструментов сбора подписей. Необходимая инфраструктура для этого уже имеется. Подробнее эта инициатива изложена в совместном обращении членов РАСО.

Успехи подобных акций не поддаются однозначной оценке, поэтому каждая из сторон получает возможность самостоятельной трактовки. Борьба интерпретаций в значительной мере зависит от качества медийного материала. Здесь у власти больше ресурсов, но меньше креативности и гибкости. Лобовое противостояние показывает слабость институтов, которые по своей природе должны смягчать общественные конфликты, находить компромиссы и организовывать диалог. Пример — Общественная палата.

При всей медийности протестных акций система сохраняет высокий потенциал устойчивости. Нынешний уровень протеста не может привести к существенным сдвигам в сложившемся положении вещей. Однако остаётся риск накопительного эффекта, а также формирования новой реальности на уровне ее восприятия — когда все дальнейшие события интерпретируются, исходя из проявленных тенденций. «Чёрный лебедь» российской политики от качания протестного маятника не появится. Но сама амплитуда этого маятника очерчивает пока ещё мало проявленное пространство, открытое для принципиально новых явлений.

Подготовлено:

Алексей Фирсов
Мария Макушева
Дмитрий Лисицин